
Проблема преступлений толпы: подход П.Н. Обнинского

Горбатов Д.С., доктор психологических наук, профессор кафедры Менеджмента массовых коммуникаций факультета Прикладных коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета (gorbatov.rus@gmail.com)

Описывается специфика подхода к преступлениям толпы, предложенного видным российским юристом и общественным деятелем XIX века П.Н. Обнинским. Уточняются его принципиальные отличия от других концепций отечественных и зарубежных психологов и правоведов. Особое внимание уделяется трактовке П.Н. Обнинским возможной вменяемости и степени ответственности участников массовых холерных беспорядков конца XIX века в различных регионах Российской империи. Раскрывается нравственный потенциал его воззрений. Особенности толпы как социального объединения, изменения личности в толпе, склонность толпы к нарушению закона, проблема уголовного наказания за совершенные ею преступления – таковы некоторые вопросы, интересовавшие общественное мнение того времени. В статье подчеркивается, что недостаток доверия и отсутствие равноправного диалога между представителями различных социальных групп сыграли пагубную роль в развитии «contagion morale», а позже стали причинами еще более трагических событий российской истории.

Ключевые слова: толпа, психология толпы, подход П.Н. Обнинского, свойства толпы, влияние на личность в толпе, преступления в толпе.

В конце XIX – начале XX века отечественные правоведы обсуждали проблему уголовного наказания за преступления, совершенные в составе толпы. Решая собственно юридические вопросы определения вменяемости и степени ответственности такого рода преступников, они апеллировали к трудам по социальной философии и психологии толпы, опубликованным Н.К. Михайловским [4], Г. Тардом [8; 9], С. Сигеле [6], Г. Лебоном [3], В.М. Бехтеревым [2].

Согласно позиции этих исследователей, толпа представляет собой не простое скопление людей, а особую психическую общность, попадая под влияние которой человек начинает думать, действовать и чувствовать совершенно иным образом, по сути, перестает быть собой. С точки зрения Н.К. Михайловского [4], в ней циркулируют процессы бессознательного взаимного подражания подчас непреодолимой силы, берущие верх над индивидуальным разумом, личным интересом, чертами характера. Подобное социальное образование Г. Тард сравнивал с «бешеным несдержанным зверем, слепой игрушкой своих инстинктов», неким беспозвоночным низшего порядка, чудовищным червем, «извивающимся в беспорядочных движениях даже после отделения головы» [8, с. 10]. В его понимании, толпа отличается эмоциональной неустойчивостью, догматичностью и деспотичностью, тягой к разрушению, проявлениями коллективного безумия, бреду преследования и величия. С. Сигеле определял, что она более склонна к злу, чем к

добрю, и в нравственном опьянении доходящей до своеобразного сомнамбулизма, не сомневается в праве быть чьим-то судьей и палачом. Такая толпа легко попадает под влияние преступников, умалишенных, обитателей городского «дна»: «Примешайте к легкомысленной и повинующейся всякому толчку толпе этих личностей, – они и сообщат ей ее жестокость и сумасшествие» [6, с. 70]. По Г. Лебону [3], становясь частицей толпы, индивид спускается на несколько ступеней по лестнице цивилизации, становится варваром – инстинктивно действующим существом, проявляющим черты произвола, буйства, свирепости, а также энтузиазма и героизма, свойственные первобытному человеку. Совместно с другими он готов поддаться любому искушению, превратить внушенные идеи в немедленные действия, внезапно перейти от кровавой жестокости к великодушию или малодушию, стать неким автоматом, управлять которым собственная воля бессильна. Согласно В.М. Бехтереву, процессы взаимного внушения, характерные для толпы, несут в себе чрезвычайную опасность: «И если бы можно было сосчитать те жертвы, которые прямо или косвенно обязаны влиянию этого психического микроба, то вряд ли число их оказалось бы меньшим, нежели число жертв, уносимых обыкновенным физическим микробом во время народных эпидемий» [2, с. 13].

Если влияние толпы настолько сходно с гипнотическим, в какой мере отдельные люди должны нести ответственность за ее преступления?

Некоторые из отечественных юристов поддержали суждение Г. Тарда, согласно которому преступный акт, совершенный как бы под принуждением толпы кем-то из ее членов, в действительности вполне соответствует скрытым наклонностям данного индивида. При этом заурядный мошенник, способный к кражам, но не к убийству, под влиянием «нравственной заразы» массового характера может дойти до крайней степени жестокости и насилия. Тот же, кто нравственно чист, найдет силы не поддаться влиянию большинства. Так, видный правовед В.К. Случевский писал: «...существуют веские основания к признанию, что лицо, участвующее в преступлениях толпы, отвечает не только за то, что оно осуществило в данном преступном действии, но также и за то, что оно воспитало в себе лично свойства, обусловившие возможность такого воздействия на него толпы» [7, с. 12].

Как комментировал эту точку зрения В.П. Ширков, предметом судебного разбирательства является «виновное деяние», но не «преступные наклонности». Кроме того, в принципе, «возможно ли наказывать героя холерного бунта за то, что он не воспитал в себе свойств, которые бы дали ему возможность противодействовать влиянию толпы»? [10, с. 97]. Относительно последнего рассуждения Д.Д. Безсонов [1] добавляет, что в недостаточности воспитания представителей темных и невежественных масс в большей степени виновато общество, нежели они сами. Кроме этого заметим, что вывод об обусловленности некоего проступка соответствующими скрытыми чертами в данном случае вступает в противоречие с идеей предельной выраженности силы подражания в той «колоссальной личности, в которой тысячи лиц сливаются как бы в один смутный облик» [8, с. 4].

По мнению С. Сигеле [6], было бы неверным полагать, что тяжкие нарушения закона совершаются в толпе исключительно преступниками «прирожденными». К категории «случайных» преступников он отнес слабохарактерных людей, чрезмерно

зависимых от социального окружения, предложив наделять их «половиной ответственностью» за содеянное. Прочие же лица, присутствовавшие, но не участвовавшие в совершении преступления, по его мысли, наказанию не подлежат не должны.

Однако такой подход не получил признания в Российской империи. Напротив, по «Уголовному уложению» 1903 г. одно только присоединение к публичному «скопищу», собравшемуся выразить неуважение верховной власти, порицать порядок наследия престола, заявить сочувствие бунту или измене, проявить сословную, религиозную, племенную вражду, тем более, оскорбить Величество, наказывалось заключением в тюрьму [10]. Подчеркнем, что само присутствие на месте происшествия (кроме тех, кто мог доказать в суде его случайность), приравнивалось к преступному деянию. Более того, в законе оговаривалось, что умышленность присутствия устанавливается для «скопища» в целом, но не для каждого отдельного лица в его составе.

Особо строгое наказание предусматривалось в отношении «заправил толпы», а именно тех, кто организовывал «скопище», руководил действиями, подстрекал к насилию, пользовался оружием, взрывчатыми веществами и снарядами. Причем «коноводы смуты» подлежали уголовному преследованию, даже если отсутствовали на месте самого сборища [10].

Общественный деятель и публицист, бывший прокурор московского окружного суда П.Н. Обнинский в своей статье о проявлениях «нравственной заразы» во время холерных беспорядков занял принципиально иную позицию. Он выразил сомнение в том, что толпы простонародья, разрушавшие больницы, избивавшие и убивавшие врачей, фельдшеров, полицейских, активно сопротивлявшиеся войскам, должны вообще подлежать уголовному преследованию. Предельно широко трактуя соответствующие статьи «Уложения о наказаниях» 1845 г., П.Н. Обнинский подводил их действия под понятия «ошибки», «обмана», «непреодолимого от превосходящей силы принуждения», в частности, указывая, что «страх перед неминуемой гибелью, чувство самосохранения, глубоко осознанная необходимость самообороны – вот что управляло этими массами» [5, с. 10].

С его точки зрения, невежественная и обезумевшая толпа лишь *защищалась*, попав под влияние нелепых слухов о том, что «господа, чтобы не отдавать крестьянам по ожидаемому царскому указу своих земель, задумали морить народ: из подозрительной трубы пускают они в него холерную шмару; доктора и полиция ими подкуплены; ...живых засыпают известкой и кладут в гробы; отравляют реки и колодцы; строят какие-то холерные бараки и в них разводят холеру; заготавливают багры и крючья, чтобы таскать туда здоровых людей; а никакой холеры нет, а если бы и пришла, то противиться божьему изволению грех» [5, с. 4–5].

Констатируя глубину разрыва между народом и российской интеллигенцией, автор статьи отмечал, что поведение таких бунтовщиков в суде значительно отличалось от заурядных попыток самозащиты участников еврейских погромов или иных массовых беспорядков. В своих показаниях они уклонялись от какой-либо интерпретации причин трагических происшествий, ограничиваясь вялым и голословным отрицанием вполне очевидных фактов. При этом осознание вынужденности содеянного и, как следствие, собственной невинности

сопровождалось уверенностью, что «господа» накажут более строго тех, благодаря кому их происки оказались «раскрыты и обезврежены». Иначе вела себя толпа и при столкновениях с войсками: она не разбегалась после угроз или первых выстрелов, забрасывала солдат и казаков камнями, была готова к жертвам ради общего дела.

Рассуждая о том, что нравственная эпидемия опередила физическую, П.Н. Обнинский выделил в составе бунтовавшей толпы три категории участников. К первой были отнесены вожаки – «подстрекатели и вестовщики», наиболее активные разоблачители «коварства» противохолерных мероприятий властей. Значительную часть из них составляли женщины, «наиболее темный и забитый элемент» простого народа. Во вторую была включена основная масса людей, подвергнутая нравственному заражению вожаками и друг другом. В третью категорию вошли «сознательные, заправские преступники», «воры и буяны по призванию», любители «поудить рыбу в мутной воде». Таким образом, «перед нами чудовище с маленькой головой, длиннейшим извивающимся туловищем и крохотным хвостом, единственно подлежащим усечению» [5, с. 11].

По его мнению, к представителям двух первых категорий применять уголовное наказание не следует в силу невольности заблуждения, выраженных панических настроений на фоне мотива самосохранения, а также по причине непреодолимой силы «нравственной заразы» как продукта взаимного подражания. Не представляется оно и эффективным: темные и недоверчиво настроенные массы увидят в наказании не возмездие за вину, а личную месть тех, кто «пускает шмару в народ». Укрепившись в своем «знании», арестанты и избежавшие наказания распространят его по более широкой социальной среде. Что же касается воспользовавшихся ситуацией преступников, их достаточно судить за совершенное каждым лично, не предъявляя общих обвинений в восстании или сопротивлении власти.

Охрана общественного порядка от стихии толпы, по мысли П.Н. Обнинского, должна предваряться и сопровождаться особыми усилиями в деле просвещения. Действительно, значительную роль в трагическом непонимании народа и интеллигенции в данном случае сыграло то, что на современный лад можно обозначить как отсутствие полноценного информационного сопровождения противоэпидемических процедур. Однако «подвижник добра явился (в массовом сознании. – Д.Г.) носителем зла» [5, с. 4] не только потому, что авторитетные разъяснения не были сделаны или значительно запоздали, как писал о том П.Н. Обнинский. Условием их эффективности должно было стать доверие между социальными группами, а именно этого катастрофически не хватало российскому обществу того времени. Крестьяне и городские обыватели с подозрением относились к любым сведениям от «господ», последние же были готовы «просвещать» и «разъяснять», но не вступать в дискуссии по «сугубо медицинской проблеме» с позиций равноправия и партнерства. А этого для установления взаимопонимания оказалось недостаточно. Как отмечал Н.К. Михайловский [4], проблема не в одном том, что народ не знал чего-то важного о протекании и распространении этого заболевания. И в образованном обществе мало кто был осведомлен, например, о специфике посмертных судорог при холере, но в нем они не рассматривались в качестве доказательства того, что массы людей «хоронят заживо».

Готовность бороться с вековой отсталостью народа и гуманное отношение к нему, духом которого, в частности, была проникнута статья П.Н. Обнинского, не могли заменить полноценного социального диалога, отсутствие которого уже через четверть века после описанных событий вызвало несравненно большую по своим масштабам «нравственную заразу» в российской истории.

Литература

1. *Безсонов Д.Д.* Массовые преступления в общем и военно-уголовном праве. СПб.: Типо-лит. К.Л. Пентковского, 1907. 480 с.
2. *Бехтерев В.М.* Роль внушения в общественной жизни. СПб.: Изд-во К.Л. Риккера, 1898. 53 с.
3. *Лебон Г.* Психология народов и масс. СПб.: Изд-во Ф. Павленкова, 1896. 329 с.
4. *Михайловский Н.К.* Сочинения: В 6 т. Изд. 4-е. Т. 2. СПб.: Тип. Б.М. Вольфа, 1896. 836 с.
5. *Обнинский П.* Contagion morale и холерные беспорядки // Журнал гражданского и уголовного права. 1893. Кн. 1. С. 1–14.
6. *Сигеле С.* Преступная толпа. Опыт коллективной психологии. СПб.: Изд-во Ф. Павленкова, 1893. 116 с.
7. *Случевский В.К.* Толпа и ее психология // Книжки недели. 1893. № 5. С. 5–23.
8. *Тард Г.* Преступления толпы. Казань: Типо-лит. Императорского университета, 1893. 44 с.
9. *Тард Г.* Общественное мнение и толпа. М.: Тов-во тип. А.И. Мамонтова, 1902. 201 с.
10. *Ширков В.П.* Преступления толпы по новому уголовному уложению (конструкция ответственности) // Журнал министерства юстиции. 1904. № 3. С. 90–124.

The problem of crowd crimes: the approach of P.N. Obninskiy

Gorbatov D.S., Doctor of Psychology, Professor of chair of Management Mass Communications, faculty of Applied Communications, St. Petersburg State University (gorbatov.rus@gmail.com)

We describe the specific approach to crowd crimes proposed by prominent Russian lawyer and public figure of the XIX century P.N. Obninskiy. We clarify its fundamental differences from other concepts of Russian and foreign psychologists and lawyers. Particular attention is paid to the P.N. Obninskiy treatment of possible sanity and responsibility of participants of mass cholera riots of the late XIX century in various regions of the Russian Empire. We reveal the moral potential of his views. Crowd as a social associations, the personality changes in the crowd, the crowd propensity to violate the law, the issue of punishment for crimes committed by it – these are some of the questions that interested the public opinion of the time. The article emphasizes that the lack of trust and lack of equal dialogue between representatives of different social groups have played a negative role in the development of «contagion morale», and later became reasons for the even more tragic events of Russian history.

Keywords: crowd, crowd psychology, approach of P.N. Obninskiy, crowd properties, impact on the individual in the crowd, crime in the crowd.

References

1. *Bezsonov D.D.* Massovye prestupleniya v obshhem i voenno-ugolovnom prave. SPb.: Tipo-lit. K.L. Pentkovskogo, 1907. 480 s.
2. *Behterev V.M.* Rol' vnusheniya v obshchestvennoj zhizni. SPb.: Izd-vo K.L. Rikquera, 1898. 53 s.
3. *Lebon G.* Psihologija narodov i mass. SPb.: Izd-vo F. Pavlenkova, 1896. 329 s.
4. *Mihajlovskij N.K.* Sochineniya: V 6 t. Izd. 4-e. T. 2. SPb.: Tip. B.M. Vol'fa, 1896. 836 s.
5. *Obninskiy P.* Contagion morale i holernye besporjadki // Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnogogo prava. 1893. Kn. 1. S. 1–14.
6. *Sigele S.* Prestupnaja tolpa. Opyt kollektivnoj psihologii. SPb.: Izd-vo F. Pavlenkova, 1893. 116 s.
7. *Sluchevskij V.K.* Tolpa i ee psihologija // Knizhki nedeli. 1893. № 5. S. 5–23.

8. *Tard G.* Prestuplenija tolpy. Kazan': Tipo-lit. Imperatorskogo universiteta, 1893. 44 s.
9. *Tard G.* Obshhestvennoe mnenie i tolpa. M.: Tov-vo tip. A.I. Mamontova, 1902. 201 s.
10. *Shirkov V.P.* Prestuplenija tolpy po novomu ugovnomu ulozheniju (konstrukcija otvetstvennosti) // Zhurnal ministerstva justicii. 1904. № 3. S. 90–124.